

Т. И. СТЕКСОВА

(Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия)

УДК 81'23:81'367

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ОДНОЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация. В статье рассматривается проблема выбора одного из синтаксических вариантов смысловой парадигмы высказывания. Автор при помощи психолингвистического эксперимента пытается проследить выбор говорящим одной из конструкций при порождении текста и при восприятии и интерпретации конструкции в предложенном тексте. В эксперименте, который состоял из двух этапов, приняли участие студенты-филологи и студенты-журналисты. На первом этапе было предложено написать два фрагмента текста с использованием заданных конструкций. На втором этапе испытуемым предлагалось объяснить, почему автор использовал одну из возможных конструкций. Эксперимент показал, что выбор конструкции контекстуально обусловлен и зависит, в частности, от особенностей осмысления денотативной ситуации говорящим.

Ключевые слова: стихийная конструкция, смысловая парадигма, активная конструкция, безличная конструкция, психолингвистический эксперимент, психолингвистика.

Как известно, одну и ту же семантику можно передать с помощью разных языковых средств. Под смысловой парадигмой предложения понимается отражение одной и той же денотативной ситуации различными синтаксическими конструкциями, в частности двусоставной активной конструкцией, двусоставной пассивной конструкцией и односоставной безличной конструкцией. Так, семантику фраз *Ветер снес крышу*, *Ветром была снесена крыша* и *Ветром снесло крышу* нужно истолковать одинаково: «они имеют одно и то же денотативное (инвариантное), но разные презентативные (вариантные) значения» [Мустайоки, Копотев 2005: 2]. Подобная смысловая парадигма характерна для так называемых стихийных конструкций, типовое значение которой заключается в том, что субъектом действия является

стихийная природная сила, вызывающая изменения в состоянии субъекта [Шелякин 2001]. Специфика подобных конструкций, по мнению А.В.Бондарко, заключается в том, что «субъектное значение источника действия сопряжено с орудийностью таким образом, что нет отдельно субъекта и отдельно орудия, а есть единство орудия и стихийной силы как источника и в вместе с тем причины действия» [Бондарко 2002: 638]. В научной литературе уделено достаточно большое внимание этим конструкциям (подробный обзор по этому вопросу см. в [Сулейманова 1999: 171-178]). Как отмечает А. Мустайоки, если действительные и страдательные конструкции характерны для индоевропейских языков, то стихийные конструкции отсутствуют даже в других славянских языках. Поэтому он соглашается с А.Вежбицкой, считающей эту конструкцию явлением, отражающим русскую ментальность [Мустайоки 2019].

Но если наличие разных конструкций для выражения одной и той же семантики уже давно признано в лингвистической литературе и определено их место в синтаксической системе [Сальников 1977, Стексова 1986, 2002, Сулейманова 1993, Мустайоки, Копотев 2005 и мн.др.], то по сей день не до конца решенной остается проблема выбора говорящим одной из возможных конструкций. Как отмечал Д.Р. Шарафутдинов, «грамматика речевой деятельности принципиально вторична по отношению к грамматике языковой системы – как «грамматика реализации системы» по отношению к «грамматике устройства системы» соответственно [Шарафутдинов 2006: 153]. По его мнению, «... в настоящее время русистика не располагает полными системными грамматическими описаниями, ориентированными на речевую деятельность» [Шарафутдинов 2006: 154].

Данная статья представляет собой попытку в какой-то мере заполнить эту лакуну. Представляется, что психолингвистический эксперимент дает такую возможность.

Как известно, языковая личность проявляет себя в процессах порождения и восприятия текстов. Поэтому эксперимент по выявлению причин выбора одной из возможных конструкций состоял из двух этапов. **На первом этапе** задачей являлось выявление влияния исходной конструкции на порождение текста.

Поэтому для первого этапа эксперимента была выбрана методика завершения текста, причем она была несколько изменена: задание предполагало не только завершение связанного текста по данному предложению, но и допускало возможность встраивания данного предложения внутрь текстового фрагмента. Как справедливо замечал Б. Ю. Норман, процесс речепорождения – это «претворение исходной интенции и смысла в окончательный продукт – текст» [Норман 2011:8]. Соглашаясь с Т. А. Гридиной в том, что «современные студенты и школьники, «зараженные» визуально-клиповым стилем мышления, часто оказываются беспомощными в технике создания развернутых вербальных текстов» [Гридина 2012: 19], все-таки считаю продуктивным попытку создания текста с заданной конструкцией, ожидая, что эта конструкция каким-то образом повлияет на построение целого текстового фрагмента, ибо говорящий «не просто принимает помощь языка, но оказывается не в силах противостоять его влиянию, выбирая те единицы, которые подсказываются правилами комбинаторики» [Норман 2011: 79-84].

В качестве гипотезы было взято предположение Т. А. Гридиной о том, что «текстопорождающие стратегии – в плане их когнитивной и языковой обусловленности – должны обнаружить зависимость от грамматической формы заданного стимула» [Гридина 2012: 21].

Задание: в течение 15 минут написать связанный текст, используя данное предложение либо в качестве начала, конца текста, либо встраивая его в текст. В 1 этапе эксперимента приняли анонимное участие 72 студента: филологи и журналисты. Им были даны два предложения: *Лодку унесло течением* и *Течение унесло лодку*.

Анализ полученных текстов показал следующее.

С точки зрения того, какую позицию в тексте заняли предложенные высказывания:

предложение	препозиция	интерпозиция	постпозиция
<i>Лодку унесло течением.</i>	8	32	32
<i>Течение унесло лодку.</i>	16	30	26

Как видим, беличная конструкция одинаково частотно функционирует внутри текста и завершает его. Но значительно реже с подобной конструкции испытуемые начинали свой текст. А вот личная двусоставная конструкция в два раза чаще начинала текст и реже завершала его.

Анализ текстов с безличной конструкцией, начинающей текст, показал, что только в одном случае данное предложение «спровоцировало» цепочную связь предложений в тексте: *«Лодку унесло течением. Со стихией бороться было бессмысленно...»*. Один испытуемый продолжил текст, поместив в центр повествования лодку, в которой находились трое мужчин, и последующее их спасение. Шесть человек, начав текст с заданного предложения, сменили тему повествования, перейдя к рассказу о своих чувствах, эмоциях, переживаниях в связи с утратой лодки. Но во всех этих случаях лексема *течение* в Тв.п. выступает в роли орудия-каузатора, а не активно действующего субъекта, действиям которого был бы посвящен текст.

Интерпозиция и постпозиция данного предложения оказалась одинаково частотной. Безличная конструкция в постпозитивной позиции является как бы выводом, резюмирует описываемую ситуацию: *«Однако прибыв на место, Арсений Матвеевич обнаружил, что его лодку унесло течением»; «Когда мы проснулись, ребята обнаружили, что нашу лодку унесло течением»; «Приплыв к берегу, мы были так рады нашему улову, что забыли привязать лодку к мостику. Как только мы вспомнили об этом, сразу оглянулись, а ее уже не было. Лодку унесло течением»* и под. В интерпозиции чаще всего эта конструкция вытупает в качестве объекта восприятия, обнаружения: *«Мы собрались уплывать с острова, но вдруг заметили, что лодку унесло течением»; «А на утро они заметили, что их лодку унесло течением»*.

Но более показательным является тот любопытный факт, что все тексты с беличной конструкцией оказались посвящены действиям людей, именно человек является субъектом, который либо активно действует в предложенных обстоятельствах, либо является наблюдателем, воспринимающим внешние обстоятельства и сообщаящим о них другим: *«Больше всего мне запомнилось сообщение о том, что с нашей набережной лодку унесло*

течением и до сих пор неизвестно, где она. Я рассказала об этом всем своим друзьям»; «Но каково было наше удивление, когда лодку унесло течением. Мы были весьма разочарованы».

Из 16 текстов, начинающихся личным предложением «*Течение унесло лодку*», в 14 случаях оно оказалось зачином, после которого шел фрагмент текста о действиях людей, обусловленных этим обстоятельством. Два текста «выбиваются» из этой группы. В них данное первое предложение породило фрагмент текста о стихии: «*Течение унесло лодку. Оно было довольно сильным. Шумел сильный ветер...*»; «*Течение унесло лодку, когда поднялась ночная буря. Сильный ветер дул в лицо...*». Обратим внимание на то, что в этих фрагментах, кроме данной стихийной конструкции, появляется еще одно предложение о стихии, причем также используется личная конструкция (*шумел ветер; ветер дул*). Стихийные силы представлены в этих текстах в качестве активно действующих субъектов.

Тексты с личной стихийной конструкцией в интерпозиции в 27 случаях были посвящены людям. Чаще всего заданная конструкция в тексте выступала в качестве объекта слухового или визуального восприятия: «*С полными корзинами грибов мы возвращались на наше место. И увидели, что течение унесло лодку! Мы отправились домой пешком...*». В четырех текстах данная конструкция служила объяснением причины переживания людей, объектом оценки: «*Жаль, что течение унесло лодку*»; «*Случилось неприятное происшествие: течение унесло лодку*»; «*Но больше всего ему было обидно, что течение унесло лодку*». В двух текстах стихийная конструкция вступает в причинно-следственные отношения с другими предложениями: «*Под вечер выяснилось, что мы сбились с курса: течение унесло лодку*»; «*Наши старания оказались тщетными: течение унесло лодку*».

Особое внимание вызывают три текста из 30. Два из них полностью посвящены описанию природных явлений: 1. «*Море разбушевалось не на шутку. На прибрежные скалы непрерывно обрушивались волны. Птиц, которые по нелепой случайности не нашли укрытия до начала бури, сносил ветер. Течение унесло чью-то лодку. Через минуту сильный поток воды разбил ее о скалы*». 2. «*Шел дождь. Выл ветер. Течение унесло лодку. По-*

года была ужасная». В третьем тексте два участника события: люди и стихия: *«Внезапно поднялся ветер. <...> Но течение начало усиливаться. Друзья с замиранием сердца наблюдали эту борьбу стихии с человеческим изобретением. Победу одержал первый участник. Течение унесло лодку...»*. В этих трех текстах стихия интерпретируется как активный участник события. Неслучайно все другие стихийные конструкции также имеют личную форму. Эта активность субъекта, его «одушевленность» подчеркивается в третьем тексте, где говорится о противостоянии контрагенсов, двух субъектов-противников: людей и стихии.

Из 26 текстов с завершающей позицией стихийной конструкции 23 были о людях. В подавляющем большинстве из них стихийная конструкция являлась объектом человеческого восприятия: тексты завершались сообщением о том, что они увидели, услышали, поняли и под.: *«А утром мы поняли: течение унесло лодку»*. В одном из этих текстов стихия воспринимается как активный субъект, действующий сознательно и целенаправленно: *«Когда я плыл на корабле, я увидел мощное спиральное течение. Оно всасывало, уносило все, что находилось рядом с ним. <....> Течение унесло лодку»*. Кроме объекта восприятия, данная личная конструкция выступает в качестве объяснения какой-либо ситуации: *«Как оказалось позже, они не могли уплыть на другой берег. Течение унесло лодку»*; *«Однако плыть дальше было не суждено: течение унесло лодку»*.

Темой двух текстов со стихийной конструкцией в постпозиции оказалось описание природы: *«Был солнечный летний день. Ничто не предвещало беды. Внезапно набежали тучи, начался сильный дождь. Вода стала беспокойной, и течение унесло лодку»*; *«Вдруг резко похолодало. Поднялся ветер и стал гнуть ивы. Солнце спряталось за тучи и пошел дождь. Мелкая рябь на воде сменилась волнами. Течение унесло лодку»*. Здесь также не только течение, но и другие стихийные субъекты стоят в форме Им.п., что подчеркивает их активность, значение субъектов действия. Один текст описывает противостояние человека и стихии, причем стихия оказывается сильнее: *«Костя рыбачил на реке. Вдруг течение начало уносить лодку от берега. Парень не*

растерялся и стал активно грести к берегу. Но его усилия оказались тщетными: течение унесло лодку».

2 этап:

На втором этапе было важно выявить различие между личной и безличной конструкциями с позиций читательского восприятия, интерпретации текста. Процесс восприятия Ю. А. Сорокин рассматривает как процесс соотнесения структуры текста со структурой ситуации [Сорокин 1988: 2]. И. А. Зимняя, выделяя факторы, обуславливающие сложность смыслового восприятия текста, к объективным факторам относит, в частности, и особенность самого текста, его внутренней структуры [Зимняя 1976]. Как считает О. Я. Гойхман, интерпретация является компонентом в процессе восприятия и предполагает раскрытие внутреннего смысла сообщения [Гойхман 1997]. Интерпретация предполагает рефлексию над осмыслением. Поэтому студентам было предложено проанализировать фрагмент текста, включающий «стихийную» конструкцию, подумать, изменится ли восприятие текста при замене исходной конструкции на синонимичную. Задание было предложено студентам-филологам 4 курса.

Задание:

Прочитайте фрагмент газетного очерка (Известия 04.12.88). Чем обусловлен переход автора от моделей с творительным стихийного субъекта-каузатора к моделям с субъектом-каузатором в именительном падеже?

С материка ощутило дохнуло ветром. (...) А когда принялись заводить двигатель, волна его уже захлестывала. (...) Ночью волны сорвали лодку вместе с якорем, погнали в открытое море. Сильная волна выбила стекло, под которым друзья прижимались друг к другу. Другая волна – боковая – чуть не перевернула лодку, обрушила внутрь водопад. (...) Такой ветер гонит волну до четырех метров.

Сравните с нейтральной газетной информацией: *Сообщается также, что во время спасательных работ волной смыло в море одного из советских моряков (Известия 26.01.90).*

Из 32 человек шестеро затруднились с ответом (либо не ответили, либо дали невнятный ответ). Остальные обратили вни-

мание на то, что выбор формы с Им.п. субъекта связан с представлением стихии как активного субъекта, которому приписываются свойства активного одушевленного субъекта, который проявляет активность намеренно, контролирует ее: *«Волна начинает выступать как активный субъект, разрушающий и ломающий все вокруг»*; *«дохнуло ветром – ветер пассивный, им будто кто-то управляет, а далее ветер и волны становятся активными участниками. Может, чтобы показать борьбу между стихией и людьми, которые принялись заводить двигатель»*; *«Все разрушительные действия приписываются именно волне, потому что это была сила, которую нельзя контролировать. Она способна выбивать стекла, переворачивать лодку и т.д.»*; *«При переходе к субъекту в Им.п. субъект наделяется большей активностью, эти слова (волна, ветер) становятся схожи с одушевленными субъектами, будто имеют волю действовать. Акцент внимания переключается с самого действия на его исполнителя»*; *«На мой взгляд, переход обусловлен тем, что стихия воспринимается говорящим как нечто самостоятельное, одушевленное, сильное»*; *«таким образом волны становятся активным субъектом и умеют действовать, как люди. Волны в этом смысле не просто феномены, связанные с природой, а у них человеческие черты»*; *«уже сама стихия представляется действующим лицом, наделяется признаками живого. Это помогает обрисовать действие более живо и ярко»*

Таким образом, выбор формы Им.п. для обозначения субъекта-стихии связан с желанием представить стихию как активно действующего субъекта. Семантика орудийности, свойственная форме Тв. п., нейтрализуется. Неслучайно, некоторые участники эксперимента отмечают, что за счет этого *«создается ощущение присутствия и участия в происходящем»*; *«Возникает эффект, что процесс происходит на глазах прямо сейчас. Сам переход обусловлен тем, что автор намеренно пытается погрузить читателя в эпицентр события»*; *«В первом предложении есть ощущение, что какой-то субъект (человек) ощущает воздействие природы. В последующих предложениях сама природа и является субъектом»*.

В нейтральной же газетной информации «*волна воспринимается как инструмент, с помощью которого совершается действие*», причем «*важнее оказывается событие (одного из моряков смыло)*», *результат действия, чем производитель действия*».

Итак, эксперимент и по порождению текста, и по восприятию и интерпретации текста показал, что выбор личной или безличной стихийной конструкции зависит от ряда факторов, в частности от того, как говорящим осмысляется вся денотативная ситуация и субъект (как активно действующий или совмещающий семантику субъекта и орудия) как часть ее; кроме того, можно говорить о контекстуальной обусловленности выбора конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. – М., 2002.

Гойхман О. Я. Основы речевой коммуникации. – М., 1977.

Гридина Т. А. Методика завершения высказывания: стратегии текстопорождения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2012. – Вып.10. С.18– 34.

Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения// Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.

Мустайоки А., Коптев М. Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции // Russian Linguistics, 2005, № 1. С. 1–38.

Мустайоки А. Почему говорящий прибегает в «стихийным» конструкциям? //«Проблемы функциональной грамматики». – СПб., 2019 (в печати).

Норман Б. Ю. Основы психолингвистики. Курс лекций. – Минск, 2011.

Сальников Н. М. Безличные предложения типа: Крышу сорвало ветром// Russian Linguistics, № 3, 1977, с. 271-292.

Стексова Т. И. Формально-семантическая соотносительность диалектных безличных предложений с другими типами простых предложений. Автореферат дисс...канд. филол. наук. – Томск, 1986.

Стексова Т. И. Семантика невольности в русском языке (значение, выражение, функции). – Новосибирск, 2002.

Сулейманова О. А. Еще раз о предложениях типа Крышу сорвало ветром// Коммуникативные системы и лингвистический анализ. – М., 1993, с. 60-76.

Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса. – М., 1999.

Сорокин Ю. А. Психологические аспекты изучения текста. – М., 1988.

Шарафутдинов Д. Р. Грамматика языковой системы и грамматика речевой деятельности: специфика взаимоотношений // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2006. – Вып.4. – С.137 – 155.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка, – М., 2001.

©Стексова Т. И., 2019